

КУЛЬТУРА

Под занавес

21 января

Актер всегда на виду. О нем как будто известно все, конечно, если он любим и популярен. Но жизнь — явление стремительное, непредсказуемое. Кого и куда заведут ее пути-дороги, предугадать сложно. Сегодня ты удачлив и чуть беспечен, а завтра, на счастье или на беду, откроется нечто, способное изменить все вокруг и тебя самого. Интересные вещи обнаруживаются тогда. Что мы знаем, к примеру, об известнейшем актере Александре Михайлове, его нынешнем дне? Почти ничего. Все больше о том, что было прежде, тем более есть что вспомнить. Пятьдесят кинокартин за плечами, успех, почетные звания, лауреатство, признание лучшим киноартистом 1982 года по опросу журнала «Советский экран».

Недавно отметил Александр Михайлов юбилей: полжизни пройдено, да еще какой. Детство в забайкальской степи, кроме которой не видел тогда ничего, по собственному признанию. Мечты о море. Увлечение Джеком Лондоном и любимый герой — Мартин Иден. Собирали бесхозырки, всякую всячину, связанную с морем. Уговорил маму переехать во Владивосток, грезя о мореходке. Случилось же иначе. Оказался в ремесленном училище. Был рыбаком на Тихом океане, мотористом, электромехаником на судне. После трагедии в Охотском море, принесшей множество жертв, прислушался к словам матери: «Сын, или — море, или — я», и сделал выбор.

Пятьдесят — некий жизненный рубеж. В какую сторону дальше пойдет отсчет? «Еду с ярмарки», — сказал Шолом-Алейхем, а это, помимо прочего, еще и возвращение домой, всегда желанное, и некая ясность, способность оценить, сбылись ли надежды, с которыми ты отправлялся в жизненный путь. Что интереснее: на ярмарку или обратно — дело сугубо индивидуальное, кому что предначертано судьбой.

Перед началом встречи Александра Михайлова со зрителями, проходившей в Большом зале киноцентра на Красной Пресне, на мой вопрос, почему они здесь, пожилые интеллигентные дамы ответили, что любят Михайлова, потому как душевный он, да разве объяснишь, за что любишь человека? Любишь, и все.

Потом в кинозале, как водится на подобных мероприятиях, показали фрагменты фильмов с участием Михайлова: «Приезжая», «Бешеные деньги», «Домой» и, конечно, «Мужики», «Любовь и голуби». Актер рассказал о себе, ответил на записки, самые обычные, традиционные, пел под гитару «По диким степям

Забайкалья», белогвардейские песни, сопровождаемые криками «Браво!». Встреча, как встреча. Да только атмосфера в зале возникла такая, как в давно забытые, старые добрые времена. Публика с мест рассуждала о том, лег или нет есенинский текст на музыку, будто мы не разделены рампой, а сидим рядом у самовара.

Пришли поклонники актера, люди все больше немолодые, в основном — женщины, а это, как известно, лучшая часть зрителей. «Будьте. Вы нам нужны», «Благодарю за то, что Вы есть», «Вы доставили нам удовольствие, какого давно не испытывали», — такие вот звучали речи. Кто-то назвал Михайлова «эталонном русском народом», кто-то всплакнул под его песню. Диву даешься, что люди не утратили способности вот так собираться вместе и кого-то любить столь искренно, верно. А ведь в то же самое время, на вопрос о счастье, который задала им корреспондент российского радио перед началом встречи, отвечают, что почти невозможно стало жить, что цены безжалостны и нужда у порога.

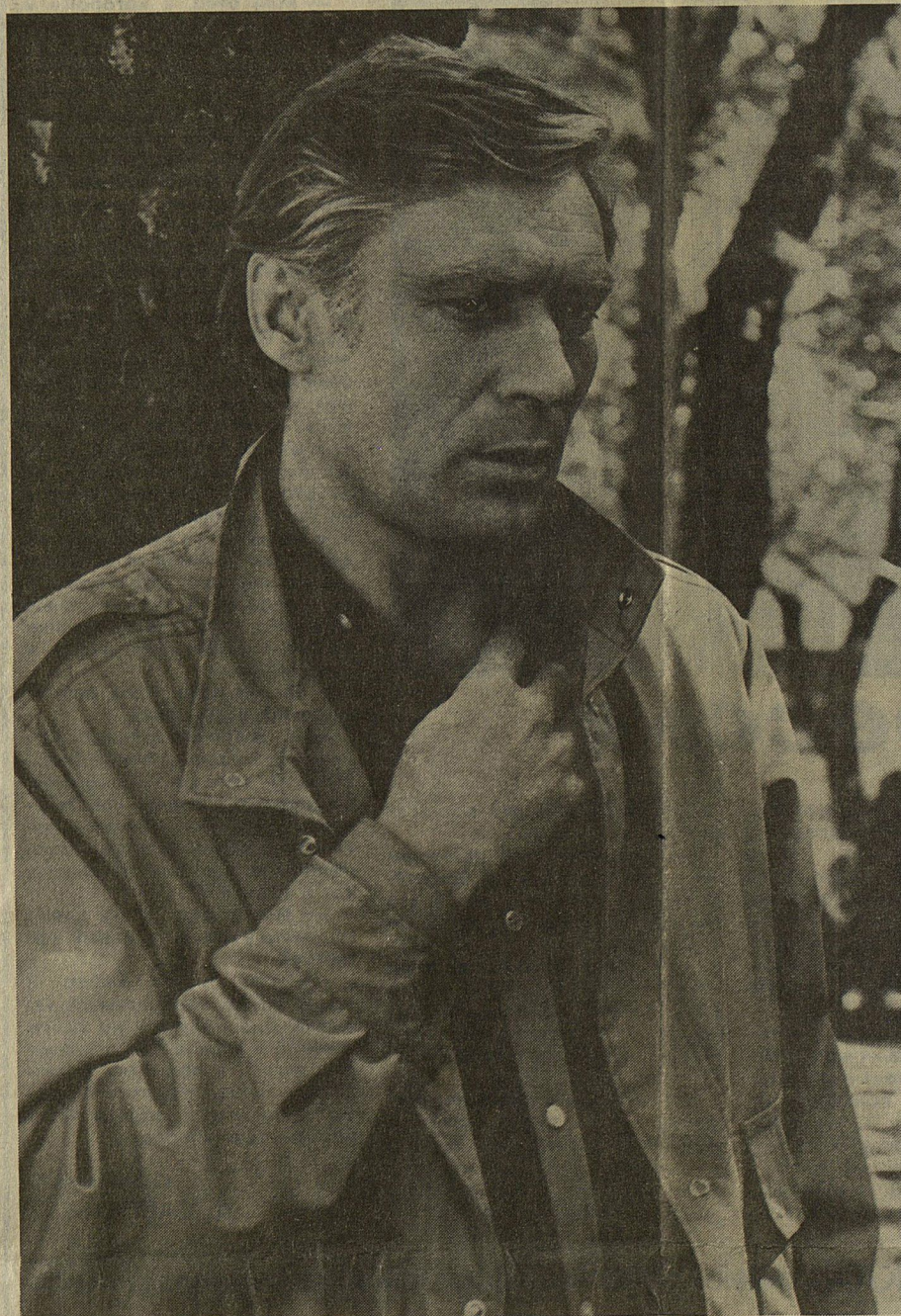
Кто он, Александр Михайлов, в этом случае? Утешитель? Пастырь? Может быть. Люди приходят к нему не из праздного интереса, а как к родному человеку и словно в гости, в дом. Верю, что сам он был столь же честен.

Мы разговариваем с А. Михайловым в опустевшем зрительском фойе Киноцентра перед просмотром кинокартины «Только не уходи», ставшей его режиссерским дебютом.

— Александр Яковлевич, насколько я вообще имею право судить, исходя из собственных ощущений от ваших работ в театре и кино, прежних интервью, сегодня интонация жизни в вас звучит иная, чем прежде. И вдруг — ретро-встреча, совсем как в детстве, разговоры с вашими поклонниками, а ведь нахально полага-

Культура. — 1995. — Янв. — С. 12.

Александр Михайлов:

ла, что их уж нет, ибо несчастный вы гость на экране. Как это совместить?

— Через прошлое я всегда возвращаюсь к сегодняшнему. Не хочу быть манкуртом, а нас хотят превратить в такую. Что может спасти? Чехов, Достоевский, русская классика, уникальные наши традиции. История, богатая не только с точки зрения религии, но и социальных преобразований. И храмы спасут. Человек действительно доведен до отчаяния, но пора подниматься и что-то делать.

Кажется только, что гражданская война далеко, а она идет уже через нас. Я побывал в Оптиной пустыни, сделал поразительные для себя открытия. Многие нашли в Ветхом и Новом заветах, моисеевых заповедях. Эти открытия дают мне мощную питательную силу.

Занимаясь историей, философией, я предвидел тот всполох, что происходит сегодня. Это — агония. Опять повторяется семнадцатый год, повторяется пятнадцатый век — самое страшное, смутное время перед централизацией Ивана Грозного. Раздробили страну на княжества. И начнутся междоусобные войны. Все в мире

ЕДУ

С ярмарки

Чтобы не пошел брат на брата, не предал сын отца своего. Мать моя Россия больна, и я должен быть с нею в трудный час. Мы все несем идею Бога. Чем больше выдержим, тем меньше прольется крови, тем быстрее спасется Россия.

— Что же такое актерское ваше счастье в этом истерзанном мире?

— Не знаю этого, не умею определять. Если вижу смерть, несчастье вокруг, не могу быть счастливым человеком. Когда иду к какой-то цели, мечте, через тернии, большие сложности, но иду — в этом движении и есть ощущение если не счастья, то удовлетворения и радости. Для меня счастье в самом процессе. А вот когда что-то уже реализовалось, ставлю новую цель.

— Не скучно вам сегодня заниматься своей профессией?

— Наоборот, появилось второе дыхание. Работаю над образом Грозного в пьесе А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного». Я не просил эту роль, мне ее подарили. Она мирового класса. Пытаюсь приоткрыть новый пласт, помимо привычного, найти человеческую интонацию, ведь не только убивал он, но и созидал.

— Как мало ролей у вас! Играете только в двух спектаклях, редко в кино. Не страшно!

— Нет, нет. Нашел я и другой путь. Очень интересно выходить один на один со зрителем, как сегодня. Мне ничего больше не надо. Беру гитару. Как пою — это дело вкуса, но выкладываю важные для себя смысловые и эмоциональные вещи.

Такие встречи для меня — редкость, особенно в Москве, чаще это происходит в Сибири, на Дальнем Востоке. Наверное, оттого, что в Москве мы ступаем по толстому слою асфальта, далеки от природы. Когда отмечали мое пятидесятилетие, здесь же в Киноцентре было много моих друзей и близких. Пришли М. Евдокимов, Л. Гурченко, Ю. Лоза, Б. Морозов, Б. Клюев, цыганский ансамбль «Джанг» во главе Н. Эрденко. Первое, что я сделал, — это поставил две свечи. Можно как угодно к этому относиться, но такой получился праздник потрясающий.

— Где-нибудь снимаетесь, Александр Яковлевич?

— Нет. Работаю над сценарием уже не один год. Попробую его реализовать. У Валерия Ланского снялся когда-то в картине «Приезжая», потом еще в трех его фильмах. Есть такие режиссеры, с которыми хочется пуститься во вторичное плавание. Очень благодарен Е. Матвееву, в картине которого «Бешеные деньги» работал с удовольствием, исполнил неожиданную характерную роль. Если в театре с

классикой встречаешься часто, то в кино — достаточно редко. Хотелось бы сняться у Никиты Михалкова, но пока как-то не случилось.

Сам я давно тянусь к режиссуре. Преподával пантомиму, много лет занимался пластическими делами, музыкальными. Мечтаю сделать спектакль в театре, пусть через пять — десять лет. И картину хочу снять. Я критично к себе отношусь. Пока у меня нет такой роли и фильма, о которых я мог бы сказать: «Ну вот, произошло».

Может быть, «Любовь и голуби» особенно дорог. Это одна из немногих картин, которую вспоминаю с восторгом. Я — вечный ученик. Умею радоваться чужой удаче и почти не умею завидовать. К сожалению, с обретением умения мы теряем душу. Всякий раз перед спектаклем, показом картины ощущаю от волнения дрожь в руках. Фильм «Только не уходи», который вы сейчас посмотрите, мне предложили снять. Я принял дар. Это не лучший сценарий, и фильм в общем не мой. Но что-то в нем все-таки есть. Я старался быть честен и вложил в него все, что мог. Надеюсь, он не очень разочарует. Моя же картина сидит во мне, зреет. Я должен ее выносить.

...Возвращаясь домой, я и в метро еще слышала разговоры о героях михайловского фильма, воспринятых почти буквально, как реальные люди с их бедами и трудным счастьем. Героиня больна СПИДом, а значит — на пороге смерти. СПИД или любое иное обстоятельство — в данном случае — всего лишь частность. Сквозь случайное видится сущностное, то самое что-то, о котором говорил А. Михайлов, а именно — тяготение души к тому, что в мире этого подлинно и всерьез. Да еще михайловская человеческая и актерская основательность, созданный им самим образ почти идеального мужчины, что так привлекателен для зрителей.

Дай-то Бог, чтобы все в жизни актера было, если не идеально, то благополучно и подлинно. А слова Шолом-Алейхема имели бы единственный смысл, как путь к себе. Чтобы реже звучало уже привычное «Нет!» в ответах на журналистские расспросы о новых работах в кино и на сцене. Наверное, все нормально, пока на вопрос: «Вы сейчас любите?» можно ответить, как Александр Михайлов: «Люблю и тем живу. Человек я верующий. Больше отдавать, чем приобретать — это моя заповедь».

Светлана ХОХРЯКОВА.

● Александр Михайлов в фильме «Змеелов».

Фото М. Баландюка.